

ГЛАВА ПЯТАЯ

НОВЫЕ ЛЮДИ

Пожары и Московское восстание привели к изменениям в руководящих верхах Русского государства. Выдвигаются новые люди.

Прежде всего, происходило усиление политической роли митрополита Макария, занимавшего свой пост с 1542 года, но до 1547 года не игравшего значительной роли в политических событиях. Выход его на одно из первых мест в управлении связан, в основном, с той ситуацией, какая сложилась в стране к концу 1547 года: нестабильность, молодость царя, разочаровавшегося в боярах. Необходимо учитывать и то, что происходившее тогда в России воспринималось современниками как нечто неугодное Богу. А кто, как не возглавлявший Русскую церковь престарелый, мудрый митрополит, мог знать способ угодить Богу? Сама жизнь выдвигала Макария на первый план; Иван IV «прибегах ко святей соборной... церкви... и припадох к Божию великому человеколюбию... и ко твоему первосвященству, и всем иже с тобою святителем... И по вашему благому совету, Богу помогающе, нам начах вкупе устроить и управлять Богом врученное ми царство... Вы же господие отцы наши, пастыри и учителя... мене сына своего накажите и просвещайте на всяко благочестие, якоже лепо есть... царем быти во всяких царских праведных законех и во всяком благоверии и чистоте, братию же нашу и всех князей, и бояр, и все православное хрестьянство... утверждайте и вразумляйте и

Благовещенский собор Московского Кремля
Построен в 1484–1489 гг.

просвещайте и наказуйте...»* Складывается практика, при которой любое государственное действие требовало предварительной консультации и благословения духовенства и, в первую очередь, его главы — митрополита.

Значительное влияние получает и другой представитель духовного сословия — священник Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестр. По некоторым источникам (главным образом, публицистического характера), неизвестный никому прежде поп стал одним из руководителей нового правительства. Фигура Сильвестра окутана тайной — он появляется как Феникс из пепла великого

* Стоглав // Российское законодательство. Т. 2. С. 263–264.

московского пожара. Запоминающуюся картину его появления нарисовал А. М. Курбский: «Тогда убо, тогда, глаголю, прииде к нему (царю. — *В. Ш.*) един муж, презвитер чином, именем Селивестр, пришеде от Новаграда Великого, претяще ему от Бога... заклинающе его страшным Божиим именем, еще к тому и чудеса и аки бы явление от Бога поведаяще ему... душу его от прокаженных ран исцелил и очистил был и развращенный ум исправил, тем и овымставляюще на стезю правую». Большую роль Сильвестра признает и Иван Грозный. По его версии, он взял священника «совета ради духовнаго, спасения ради душа своя». Одна из приписок к летописи указывает, что «бысть же сей священник Селивестр у государя в великом жаловании и в совете в духовном и в думном, и бысть яко всемогий, вся его послушаху и никтоже смеаше ни в чем же противитися ему ради царьского жалования: указываше бо и митрополиту и владыкам ... и бояром ... и всяким людем; и ... всякия дела и власти святителския и царьския правяше...»*. Нарисованная этими источниками картина показывает полное всевластие ранее никому неизвестного священника. Но так ли это? Был ли Сильвестр настолько «всемогущ» или вышеприведенные свидетельства являются публицистическим преувеличением?

В марте 1548 года новгородский архиепископ Феодосий отправил в Москву подарки (золотые монеты) на праздник Пасхи. Сохранился обширный список лиц, которым следовало их вручить. Интересно то, что среди получателей Сильвестр не значится**. Из этого можно сделать единственный вывод — весной 1548 года благовещенский священник далеко еще не пользовался тем влиянием, которое ему приписывали позднее. Но в таком случае, какова тогда была его роль в составе правящих кругов того времени?

Сильвестр — выходец из посадских кругов Великого Новгорода. До его появления на исторической сцене он имел книжную и иконописную мастерскую в Новгороде. Макарий, в свою бытность архиепископом, привлек Сильвестра к работе по составлению Великих Четых Миней. После поставления Макария митрополитом (в 1542 году) Сильвестр также оказывается в Москве и получает место в Благовещенском

* Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 224–226; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 79; ПСРЛ. Т. 13. С. 531; ПСРЛ. Т. 34. С. 181.

** Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI в. С. 170–179.

соборе. Таким образом, появление Сильвестра перед царем не было неожиданным. Очевидно, что Иван IV давно знал священника своей домово́й церкви. Однако в конце 40-х годов XVI века начинается рост влияния попа. Вероятно, это было в какой-то мере связано с общим политическим курсом царя в то время — покаянием в собственных грехах и опорой на духовенство. А Сильвестр был личностью незаурядной: талантливым писателем (сохранилось несколько его посланий к различным лицам, в том числе и к Грозному), редактором знаменитого Домостроя, в котором содержались правила жизни и хозяйствования православного человека, хозяином одной из крупнейших библиотек того времени. Все это привлекало к священнику молодого царя, и благодаря этой близости Сильвестр и получил некоторое влияние в политике, которое, впрочем, не было исключительным или определяющим.

Но каковы же были отношения Сильвестра с митрополитом Макарием? По этому вопросу развернулась жаркая дискуссия между историками. В конечном итоге, все точки зрения сводятся к двум противоположным: либо благовещенский поп — противник Макария, либо — его союзник. Надо сказать, что мнения о том, что Сильвестр был противником митрополита, основываются на убеждении, что священник был лидером «нестяжателей» — внутрицерковной группировки, выступавшей за необходимость изъятия церковно-монастырских земель. Не имея возможности подробно остановиться здесь на этом вопросе, заметим лишь, что само существование «нестяжателей» как внутрицерковной группировки в середине XVI века не подтверждается авторитетными источниками. Наоборот, есть достаточно убедительные данные в пользу того, что Сильвестр являлся близким лицом к митрополиту, был его ставленником и находился в своей деятельности под сильным влиянием Макария.

Еще одной значительной фигурой, звезда которой восходит в результате событий 1547 года, является Алексей Федорович Адашев. Причем так же, как и к Сильвестру, отношение Грозного и Курбского к его фигуре диаметрально противоположно. Как писал Иван IV спустя годы после смерти Адашева: «Да того же времени бывшу сему сабаке Алексею... в нашего царствия дворе, во юности нашей, не вем, каким обычаем из ботожников водворившуся, нам же такие измены от велмож своих видевши и тако взяв сего от гноища и учиних с вельможи, а чающе от него прямыя службы». А вот что пишет Курбский: «Цареви же той Алексей в то время зело любим был и согласен, и был

он общей вещи зело полезен, и отчасти в некоторых нравах ангелом подобен». Курбскому вторит одна из летописей: «А житие его было: всегда пост и молитва безпрестани, по одной просвиरे ел на день... А как он был во времени (фаворитом. — *В. Ш.*), и в те поры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе»*. Источники говорят о том, что А. Ф. Адашев был значительным лицом в окружении молодого царя. Как же он выдвинулся?

Адашевы происходили из рода костромских вотчинников Ольговых. Удачную карьеру при дворе удалось сделать Федору Григорьевичу Адашеву, который сумел пробиться в ряды московских служилых людей. В конце 1538 года Федор был отправлен с посольством в Турцию. С ним поехал и его сын Алексей. В Стамбуле мальчик заболел и вернуться в Россию с отцом не смог. Он остался на год. Вернувшись в Россию, Алексей, вероятно, приглянулся молодому великому князю и остался при дворе. Продолжал службу и его отец, ставший осенью 1547 г. окольным, затем и боярином. Что же касается Алексея Федоровича, то его карьера также развивалась успешно: он являлся участником свадьбы Ивана IV и свадьбы его брата Юрия Васильевича, сопровождал царя в походах. О его значительной роли при дворе говорит следующий факт: в сентябре 1547 года он отвез в Сергиев монастырь огромный вклад — 7000 рублей. Вероятно, эти средства должны были смягчить Божий гнев, с очевидностью проявившийся в пожарах и восстании. Весной 1548 года Алексей Адашев, также как и его отец, получили пасхальный подарок от архиепископа Феодосия. Все это говорит о том, что Алексей Федорович Адашев в конце 1540-х годов занял значительное место среди лиц, руководивших Русским государством.

Митрополит Макарий, священник Сильвестр и Алексей Адашев входили, по словам Курбского, в правительственный кружок, названный им Избранной радой: «И нарицалися тогда оные советницы у него (царя. — *В. Ш.*) избранная рада. Воистинну, по делом и наречение имели, понеже все избранное и нарочитое советы своими производили...»**. С легкой руки беглого князя все время конца 1540-х и 1550-е годы известны как время правления Избранной рады, хотя

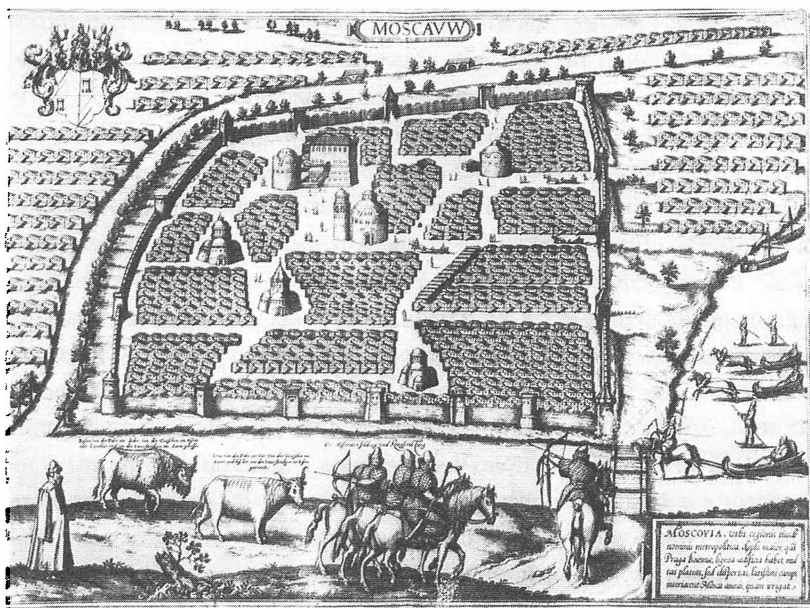
* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 78; *Курбский А. М.* История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 226; ПСРА. Т. 34. С. 181.

** *Курбский А. М.* История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 228.

некоторые исследователи и отрицают ее существование. По нашему мнению, поскольку термин устоялся, то нет смысла от него отказываться.

Надо сказать, что любой историк, изучающий события 1550-х годов, сталкивается с вопросом о термине «Избранная рада». Почему Курбский употребил именно это словосочетание? С одной стороны, свою Историю он писал для польских и литовских читателей и, вполне вероятно, стремился передать термины в более привычном для читателей виде. С другой стороны, слово «избранный» имеет в русском языке несколько значений. Основные из них два: во-первых, выбранный кем-то; во-вторых, — лучший. Предполагаем, что слово «избранная» применено в значении «выбранная», а второй смысл Курбский лишь подразумевает.

Читателям был понятен его термин — ведь в Польско-Литовском государстве существовали высшие выборные органы. Курбский стремился передать российскую действительность наиболее близким для его новых соотечественников выражением. На самом деле, лица, относимые к Раде, не были, конечно, выбраны «прямым, равным и тайным» голосованием. Но они выражали интересы определенных социальных групп, которые и поддерживали их. В глазах беглого боярина

Московский Кремль
Гравюра из книги С. Герберштейна. XVI в.

именно поддержка определенных общественных сил делала членов Рады «избранными».

Царь «избрал» людей, которые, как ему казалось, будут выражать интересы различных групп — бояр, дворян и духовенства. Иван вынужден был допустить их к реформаторской деятельности с целью обеспечить себе более широкую поддержку. Члены же Рады в своей деятельности опирались на различные социальные группы. Это вело к относительной самостоятельности их по отношению к Грозному. Внутри самой Рады не было единства. Рада являлась представительным органом, своего рода моделью Земского собора, своеобразным «исполнительным комитетом». Образование этого круга советников было вызвано потрясениями боярского правления, Московским восстанием, молодостью царя, необходимостью решения важнейших внутренних и внешнеполитических задач. Избранная рада не стремилась сознательно ограничить царскую власть. Иван IV находился в таких условиях, когда вынужден был прислушиваться к советам деятелей Рады.

Вместе с тем, внутри Рады не было единства: ее членов поддерживали различные общественные силы, интересы которых во многом не совпадали. Это не было консолидированное правительство в современном понимании, у него не было единой разработанной программы, четко определенных целей и средств их достижения. Было ясно одно — управлять страной так, как это делалось в период боярского правления, больше нельзя. Были необходимы изменения, реформы, к которым и предстояло приступить в ближайшем будущем. Кроме того, изменился статус страны — из великого княжества она превратилась в царство, а это было не просто сменой вывески. Необходимо было привести страну в соответствие с новым статусом. Однако как это сделать? Какие реформы проводить? Вероятно, точного ответа на этот вопрос не было ни у кого: ни у царя, ни у его советников. С этим связаны противоречивость, компромиссный характер реформ. Приходилось согласовывать различные интересы, что также не способствовало необратимости изменений. Наконец, многое зависело от позиции самого Ивана IV — он приблизил членов Рады, он мог отказать им в доверии в любую минуту, его согласие на проводившиеся реформы во многом было обусловлено сложившимися обстоятельствами. Пока царь считал, что реформы нужны — их могли проводить, пока его доверие к лицам, их проводившим, было велико, за судьбу реформ можно было быть спокойным, но стоило поколебаться этому доверию — и реформаторов могло ожидать всё, что угодно.

Осложняло ситуацию и то, что на молодого царя влияли не только лица, входившие в Избранную раду, но и те, кого Курбский назвал «ласкателями, паразитами и тунеядцами»*. Безусловно, в близкое окружение Ивана IV входили родственники его молодой жены Анастасии — Захарьины-Юрьевы. Они вели свое происхождение от Андрея Кобылы, служившего московским князьям в середине XIV века и ставшего родоначальником многих видных семей. Праправнуком Кобылы был Юрий Захарьевич, имевший четырех сыновей. Один из них, Михаил Юрьевич, был близок к Василию III и являлся одним из членов регентского совета. Но бегство его двоюродного брата Ивана Ляцкого в 1534 году привело к тому, что он перестал играть заметную роль в руководстве страны. Братом Михаила был Роман Юрьевич, умерший в 1530-е годы.

Вот на дочери этого Романа Анастасии и женился в 1547 году Иван IV. Родство с царем позволило Захарьиным-Юрьевым улучшить свое положение при дворе. Некоторые родственники царицы стали боярами. Двоюродный брат Анастасии Романовны Василий Михайлович был пожалован в бояре и тверские дворецкие, а родной брат Данила стал сначала окольничим, а вскоре боярином и дворецким. Младший брат царицы Никита Романович первоначально в Думу не попал, но судьба уготовила ему долгую жизнь, а его внук Михаил стал основателем династии Романовых.

Конечно, царя окружали и другие лица, но влияние Макария, Сильвестра, Адашева и Захарьиных в конце 1540-х годов было наиболее значительным. Страна стояла на пороге больших изменений. И хотя не было единого мнения о том, какие необходимы реформы, но отдельные лица высказывались на этот счет. Каковы же были основные идеи реформаторов?

* Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 226—228.